

GRZEGORZ PRZEBINDA

ORCID: 0000-0001-9581-0214

Uniwersytet Jagielloński

**ТРИ ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ СИНЯВСКИМ
(ПАРИЖ — ЖЕНЕВА — КРАКОВ, 1987–1993)**

THREE MEETINGS WITH ANDREI SINYAVSKY. PARIS — GENEVA — KRAKOW (1987–1993)

The above memoirs and literary essay talk about my three meetings with Andrei Donatovich Sinyavsky (1927–1997), Russian writer and literary critic, who was widely known in the 1970s–1990s. Originally, Sinyavsky published under his own name in the USSR, but from 1959 his writings appeared illegally in the West under the pen name “Abram Tertz.” Sinyavsky-Tertz remained in exile in France from 1973 until the end of his life. The first part of my text discusses the contacts that the Krakow underground journal “Arka” and Andrzej Drawicz, the great Polish expert on Russia, established with Russian writers in exile living in Paris during the times of the iron curtain (primarily Irina Ilovayska-Alberti, Natalya Gorbanevskaya, Vladimir Maksimov and Andrei Sinyavsky). I reconstruct from memory my first meeting with Sinyavsky and Maria Rozanova, his wife, at Fontenay-aux-Roses near Paris in 1987. During the writer’s lifetime, Rozanova assisted her husband in his editorial activities. In the second part of the essay I talk about my second meeting with the writer in Geneva in 1988, during the international conference on the Millennium of the Baptism of Kievan Rus’ organized by professor Georges Nivat. In the third and final part, I write about my third meeting with Sinyavsky and Rozanova which took place in Krakow in November 1993, two years after the collapse of the USSR. The result of this last meeting was an interview with Sinyavsky and Rozanova prepared by me and Andrzej Romanowski for the weekly “Tygodnik Powszechny” thirty years ago, and published below with my current commentary in the form of footnotes.

Когда 25 марта 1847 года великий русский, а с тех пор навеки эмигрант Александр Герцен (1812–1870) впервые приехал в Париж, он сразу почувствовал себя, словно на своей второй родине:

Итак, я действительно в Париже, не во сне, а наяву: ведь это Вандомская колонна и Rue de la Paix. В *Париже* — едва ли в этом слове звучало для меня меньше, чем в слове «Москва». Об этой минуте я мечтал с детства¹.

¹ А.И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, Издательство Академии Наук СССР, Москва 1954–1960, т. 10 (1956): *Былое и думы 1852–1868, часть V*, с. 16. Польская версия этой статьи была опубликована в ежегодном выпуске «Studia Pigniana», № 4, 2021 г. Представленный здесь перевод сделан Ириной Адельгейм, опытным переводчиком, в т.ч. романов

О своей первой встрече с Парижем Герцен написал только в 1855 году, но уже в июне 1848 года, в девятом из своих *Писем из Франции и Италии*, он упоминает, что въехал в столицу Франции в марте 1847 года так же, «как некогда въезжали в Иерусалим, в Рим»².

Я вспоминаю эти слова Герцена, который близок мне чрезвычайно, поскольку и сам — разумеется, не будем забывать о соблюдении пропорций — зимой 1987 года въезжал в Париж, словно в духовный Иерусалим. Я впервые оказался на берегах Сены, благодаря щедрой помощи поэта Яна Польковского, редактора и издателя краковского подпольного журнала «Арка», и Анджея Дравича (1932–1997), моего Учителя и друга, короля польских русистов. В то время Ян Польковский, не только редактор журнала, но и крупный поэт, по-прежнему верил в возможность другой, то есть некоммунистической, России, а Дравич еще в 1980 году опубликовал в подпольном издательстве книжечку под названием *Другая Россия*, где лаконично изложил «генеалогию русской эмигрантской литературы»³.

Во время военного положения подпольная краковская «Арка», существовавшая с середины 1983 года, то есть ровесница парижского журнала «Зешиты литерацке» — уделяла очень много внимания польско-российским связям, разыскивая в русском Париже «друзей-москалей» нашего времени — если воспользоваться цитатой из *Дядюв Мицкевича (Часть III. Отрывок)*. И вот в 1985 году в одиннадцатом номере «Арки» некто Марек Лешковский опубликовал хвалебную рецензию, озаглавленную *Военное положение на страницах «Русской мысли»*, на только что (1984) из-

Ольги Токарчук. См. K. Jastrzębska, *Irina Adelgejm — rosyjska tłumaczka i literaturoznawczyni // Między Oryginałem a Przekładem*, Księgarnia Akademicka, Kraków 2021, № 2(52), с. 63–78.

² А.И. Герцен, *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. 5 (1955): *Письма из Франции и Италии 1847–1852*, с. 141.

³ A. Drawicz, *Inna Rosja*, Towarzystwo Kursów Naukowych. Wykłady, NOWA, Warszawa 1980, с. 1. Другая статья Дравича *Зарубежная Россия* — первоначально опубликованная в пятнадцатом номере варшавского подпольного журнала «Запис» (июль 1980), сразу после *Саги о носорогах* Владимира Максимова и интервью с Андреем Синявским *Я ощущаю глубокую нетерпимость русской эмиграции* (первоначально для парижской газеты «Монд», 7 июля 1979) — увидела свет на русском языке в парижском ежеквартальнике «Континент» (номер 26 за 1986 год). Добавим, что на обложку этого номера была помещена фотография Чеслава Милоша (1911–2004), в связи с получением им Нобелевской премии по литературе.

данную в Париже книгу Натальи Горбаневской (1936–2013), куда вошли тексты о Польше времен «Солидарности», опубликованные с декабря 1981 по декабрь 1982 года на страницах эмигрантского еженедельника «Русская мысль». В заключительной части своей рецензии Лешковский приводит характерную цитату из заявления русских эмигрантов в защиту польской «Солидарности», к которой добавляет, уже от своего имени, слова искренней благодарности всем нашим друзьям-москалям:

Мы, русские, оказавшиеся на Западе, среди них и те, кто в сорок четвертом году «освобождал» Польшу, всем сердцем и душой на стороне польского народа, его рабочего класса, сумевшего бесстрашно и вопреки всему показать миру, как надо бороться за свои права. Мы на стороне «Солидарности»! Мы с гордостью повторяем сегодня клич, родившийся сто пятьдесят лет назад в дни Польского восстания 1830 года: «За нашу и вашу свободу!» Да здравствует свободная, независимая Польша! Да здравствует «Солидарность»! Эту декларацию подписали Виктор Некрасов, Владимир Максимов, Владимир Буковский, Александр Гинзбург, Вадим Делоне, Эдуард Кузнецов и Наталья Горбаневская. Что еще я могу добавить? В прошлом году редакция ежеквартального журнала «Континент» отметила свое десятилетие. В следующем году «Русская мысль» отметит свое 40-летие. Членам редакционных коллективов, коллегам и обозревателям обоих периодических изданий от имени «Арки» передаю теплые слова признания и восхищения. За все усилия, предпринятые во имя вашей — и нашей — свободы»⁴.

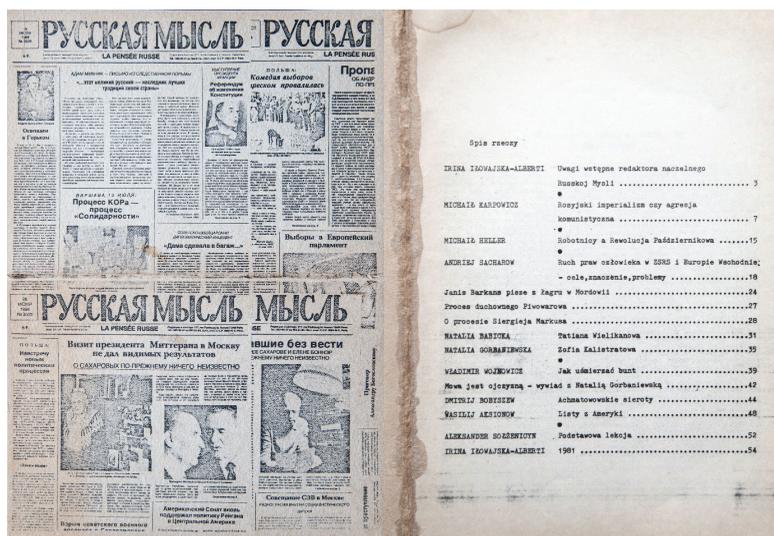
Сегодня мы, разумеется, знаем, что этот Марек Лешковский был не кем иным как Леславом Малешкой, разоблаченным в ноябре 2001 года сотрудником коммунистической Службы безопасности, который выполнял свои тайные функции еще с апреля-мая 1976 г. Сегодня в его биографии в онлайн *Энциклопедии «Солидарности»* можно прочитать, что в восьмидесятые годы Малешка занимался как раз журналом «Арка» и «руководящими структурами оппозиции». Кроме того, ему поручали специальные задания: в 1986 и 1988, во время поездок во Францию, он должен был следить за парижскими эмигрантами периода «Солидарности», а также тамошними «курьерами», поддерживавшими связь с оппозицией в стране⁵. Однако сейчас мне хотелось

⁴ M. Leszkowski, *Stan wojenny na lamach „Russkiej Mysli”, „Arka”* 1985, № 11, с. 128. Заявление русских писателей (декабрь 1981 года) было опубликовано в парижском «Континенте», в номере 31 за 1982 год.

⁵ <https://encysol.pl/es/encyklopedia/biogramy/17471,Maleszka-Leslaw.html> (11.01.2021). Характерно, что Ян Польковский также счел цитируемый мною текст Малешки значимым, раз опубликовал его во второй парижской

ТРИ ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ СИНЯВСКИМ

бы решительно подчеркнуть, что в процитированном выше суждении Лешковского-Малешки — справедливо апологетическом по отношению к столь дружелюбно настроенной по отношению к нам русской эмиграции в Париже, — я лично не усматриваю и тени руки Службы безопасности. Напротив, это мнение было действительно близко значительной части тогдашней редакции «Арки» и, разумеется, автору этих строк. В конце концов, ведь Ян Польковский направил меня в Париж как человека, активно сотрудничавшего с его журналом в том, что касается российских проблем. Я даже внес свою лепту в подготовку нашумевшего тогда тринадцатого номера «Арки» (начало 1986 года), полностью посвященного русско-польским вопросам. Этот номер грозил якобы краковским подпольным издателям такими неприятностями, что редактор Польковский даже не решился указать название журнала и велел напечатать на первой и четвертой страницах обложки фотокопию титульных страниц еженедельника «Русская мысль» за июнь и июль 1984 года (включая информацию о визите Франсуа Миттерана в Москву и фарсе выборов в народные советы ПНР 17 июня 1984 года).

Обложка и оглавление тринадцатого российского номера подпольной «Арки».

подборке текстов «Арки». См: M. Leszkowski, *Stan wojenny na łamach „Russkiej Myśli” // ARKA. Wybór 10–12. Kraków — 1985. Eseiistyka. Krytyka. Literatura*, directeur de la publication A. Podgórczyk-Mietkowska, ред. M. Chudecki, W. Sikora, Aktis, Paryż 1986, с. 202–206.

Угроза для журнала была связана с тем, что если критические статьи в свой адрес во «втором круге обращения» коммунистические власти Польской Народной Республики еще могли стерпеть, то в связях поляков с русской эмиграцией в Париже легко было усмотреть попытку «подрыва союзнических отношений». Тем более, что ранее, в марте 1984 года, после выхода всего пяти или шести номеров «Арки», был допущен неожиданный промах, и несколько сотрудников оказались задержаны Службой безопасности. После этого из состава редакции «Арки» вышел как раз Леслав Малешка, но не потому, что Ян Польковский и Рышард Терлецкий заподозрили, будто он является агентом Службы безопасности, а из-за его безудержной болтливости, хорошо известной всему оппозиционному и полуоппозиционному Кракову. Терлецкий, который был в то время одним из столпов редакции, позже, в 1990 году, вспоминал, что анонимность тринадцатого номера была попыткой перехитрить всевидящее око КГБ:

На рубеже 1985 и 1986 годов вышел второй и пока последний монографический выпуск «Арки». Он появился в результате сотрудничества с редакцией российского еженедельника «Русская мысль» и постоянных связей с его главным редактором Ириной Иловайской-Альберти. Более десятка текстов, в том числе Солженицына, Горбаневской и Сахарова, составили подборку переводов, осуществленных под руководством историка и русиста Анджея Новака. Это был самый странный номер «Арки», поскольку он не содержал никакой информации о нашем участии в его создании, обложка представляла собой коллаж обложек российского журнала, не были указаны дата и место издания. Тринадцатый, «секретный», номер «Арки» — свидетельство наших опасений, что после его публикации мы окажемся под колпаком не только у отечественной СБ, но и у советского КГБ⁶.

Анджей Новак — сегодня автор широко известных книг по истории Польши и польско-российским отношениям — прибег во время работы к помощи моих коллег по Институту русской филологии Ягеллонского университета; я также, по просьбе Польковского, читал перед публикацией польские переводы, довольно — вынужден повторить это и сегодня — сырые. Я даже написал к этому изданию небольшое предисловие, которое в конце концов так и не было напечатано, поскольку его сочли слишком «солженицынским», стирающим, как мне сказали, различия между Россией и СССР. Ниже я сам отчасти критикую Ирину Иловайскую-Альберти (1924–2000) за подобную позицию, и по

⁶ R. Terlecki, *Moja historia „Arki”*, „Arka” 1990, № 29, с. 7.

ТРИ ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ СИНЯВСКИМ

сей день, что касается этой проблемы, считаю наиболее точным суждение Густава Герлинга-Грудзиньского (1919–2000), высказанное в 1987 году на страницах девятнадцатого номера «Арки» в беседе с Богуславом Соником:

[Соник] — Россия — тема, которая проходит через все ваше творчество. На протяжении многих лет вы последовательно утверждали, что нельзя отождествлять российскую автократию с советским коммунизмом. Эта точка зрения имеет своих сторонников, но также вызывает многочисленные критические замечания, как на Западе, так и на Востоке. Каковы ваши аргументы в этом споре? [ГХГ] — Я — за вышеупомянутое различие. Я однако против того, что коротко именуют синдромом Кухажевского, т.е. мнения, будто корни сегодняшнего советского строя уходят в царскую Россию. Это несомненно так, но, на мой взгляд, несправедливо полностью отождествлять эти две системы. Это неверный путь также и с точки зрения политической, поскольку — нравится нам это или нет — придется в конце концов найти общий язык с русскими, и популярная нынче концепция Центральной Европы нас от этой задачи не освободит. Мы не выиграем, объединившись с Венгрией или Чехией. Говоря о различиях между царской и советской Россией, следует помнить, что в первой существовала настоящая судебная система с настоящими адвокатами, и обвиняемые могли себя защитить. Как это происходит сейчас, всем нам известно. Другой пример: Герцен жил в Лондоне на средства от своих имений в России, хотя в то время он считался там врагом народа номер один. Ведь Москва знала, что деньги он тратит на издание «Колокола». Можно ли вообразить что-либо подобное сегодня?⁷

В том же девятнадцатом номере «Арки» за 1987 год я дебютировал — под псевдонимом «Генрик Цивиньский» — весьма критической в плане концепции рецензией на книгу русского историка-эмигранта Михаила Геллера (1922–1997) *Машина и винтики. История формирования советского человека* (1985). Мой текст ждал публикации больше года, потому что в редакции его сначала попросту потеряли, а потом мои старшие коллеги очень бурно — о чем я узнал от Польковского — обсуждали, стоит ли вообще публиковать в «Арке» подобную рецензию. Дело в том, что еще в начале горбачевской «перестройки» я решительно оспорил тезис Геллера о том, что Советский Союз настолько преуспел в выковывании послушного *homo sovieticus*, что в наши 1980-е годы уже нет ни малейших шансов на какие-либо позитивные изменения в СССР:

⁷ *Rozmowa z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim*, rozmawiał B. Sonik, „Arka” 1987, № 19, с. 4.

Не могу не отметить, что эта книга написана Геллером как бы от лица победителей — тоталитарная машина и винтики в описании автора взаимодействуют настолько идеально, что это могло присниться советским лидерам только в самых смелых снах...⁸.

Тогда я еще не знал, что столь же критически по отношению к этой максималистской книге Геллера был настроен его польский друг Густав Герлинг-Грудзиньский. Не соглашаясь с крайне пессимистическим видением человека и советского общества (*homo sovieticus*), которое можно было обнаружить еще в 1984 году в книге Геллера *Польша глазами Москвы*⁹, Герлинг увидел в этом конкретном друге-москале «живое доказательство» неэффективности и даже неустойчивости советской системы, заметив 23 сентября 1984 года в своем *Дневнике, писавшемся ночью*:

Геллер (в отличие от меня) серьезно относится к понятию *homo sovieticus* [...]. Однако из всех русских «оттуда», которых я знаю лично, он сам является, пожалуй, лучшим живым доказательством неустойчивости и поверхностности черт «советского человека». Кроме одной, которую система, похоже, сумела крепко-накрепко привить своим нынешним и бывшим подданным. Она выражается в непоколебимом убеждении, что никаких радикальных изменений «там» произойти не может. Это убеждение мне чуждо, я никогда не смогу с ним примириться¹⁰.

И уже 13 апреля 1985 года, вскоре после публикации французского перевода *Машины и винтиков (La Machine et les rouages)*, Герлинг продолжает:

Вне всяких сомнений, [книга Геллера. — Г.П.] очень хороша, она необычайно плотно, буквально на каждой странице, документирует попытки создания «советского человека», она в разы точнее «научных тезисов» Зиновьева. И все же Геллер в конце концов повторяет ошибку Зиновьева: принимает беспрерывные попытки, неустанные усилия по созданию *homo's* за доказательство того, что он практически создан (практически, ибо еще не в чистом виде)¹¹.

Уже в ноябре 1988 года я тайно переправлял через польско-чешскую и чешско-немецкую границы вышеупомянутый три-

⁸ H. Cywiński, *Historia pewnej utopii*, „Arka 1987, № 19, с. 144.

⁹ M. Heller, *Polska w oczach Moskwy*, Instytut Literacki, Paryż 1984.

¹⁰ G. Herling-Grudziński, *Dziennik pisany nocą*, vol. 2. 1982–1992, ред. W. Bolecki, [w:] G. Herling-Grudziński, *Dzieła zebrane*, ред. W. Boleckie, t. 8, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2018, с. 149.

¹¹ Там же, с. 176.

надцатый номер «Арки» в Париж — Ирине Иловайской-Альберти. Я ехал на поезде из Катовице через Прагу в Мюнхен на годичную стипендию, и на чешско-немецкой границе таможенница — разумеется, чешская — вытащила из моего рюкзака журнал, быстро и цепко его просмотрела, а затем, о счастье, вернула владельцу... Сегодня-то мы знаем, что либо «агент Малешка» не считал нужным по горячим следам информировать КГБ о наших вдвойне секретных подвигах, либо КГБ не усмотрел в «русских» публикациях «Арки» какой-то особой угрозы для СССР... Добавим, не кто иной, как тот же Малешка — на сей раз под криптонимом «М.Г.» — вскоре опубликовал на страницах восемнадцатого номера «Арки» (1987) такую рецензию на тот тринадцатый номер:

В начале года появилось оригинальное, заслуживающее внимания издание — без указания даты и места публикации, без сведений об издателе, без цены, без названия. Разошлось оно успешно и скоро [...]. Тщательно сработанная обложка привлекает взгляд кириллическими буквами, образующими название русского эмигрантского журнала — «Русская мысль» — заголовки статей с первых страниц журнала за 1984 год: Сахаров, Польша, процесс над Комитетом защиты рабочих... Да-да! Буквы скорее привлекают, нежели отталкивают — особенно сегодня, когда с востока, похоже, опять доносится столько волнующих запахов (не обязательно радиоактивных), в которых некоторые надеются уловить пыль саморазрушающегося Кремля¹².

Добавим еще, что «отцом» этого русского, тринадцатого номера «Арки» на самом деле был парижанин Войцех Сикора, молодой краковский эмигрант (с 1981 года), в то время являвшийся зарубежным представителем журнала в столице Франции. Будучи человеком, чрезвычайно преданным делу и в своих действиях успешным, он добился укрепления связей между «Аркой» и эмигрантским еженедельником «Русская мысль», возглавляемым Иловайской-Альберти и неукротимой Наташей Горбаневской. В своей вступительной статье Иловайская написала:

Среди наших изгнанников и эмигрантов есть немало людей, которые, подобно сотрудникам нашей редакции и мне, кропотливо и терпеливо рабо-

¹² М.Г., „Rosyjska Myśl” i polski czytelnik, „Arka” 1987, № 18, с. 140. В подтексте этой легкой иронии — конечно, начатая Горбачевым в 1985 году «перестройка» и авария 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС. В целом же польский автор весьма доброжелательно относился к этому адресованному полякам голосу русской эмиграции.

тают над возрождением в русском обществе того духа, который царил в нем до того, как был убит ленинским переворотом. Мы боремся за уничтожение среди наших соотечественников всяческого расизма, фанатизма, нетерпимости, шовинизма, склонности к насилию, получивших широкое распространение за 70 трагических лет советской власти. Я считаю, что нет ничего более жестокого, чем отвергать и осуждать человека только на основании его национальности или вероисповедания. [...] Надеюсь, что все сказанное мною здесь не будет воспринято как попытка приуменьшить проблему исторической ответственности России перед Польшей. Уже говорила и повторю еще раз: я, родившаяся в эмиграции и всю жизнь прожившая на Западе, прихожанка Католической церкви, чувствую глубокую личную ответственность и всегда буду бороться против любого проявления гипотетического (бесперспективного) российского империализма. Пока я вижу только советский империализм — коммунистическую агрессию, направленную против человека. Я замечаю в советской власти стремление сформировать то, что принято называть, используя противоречивый термин, национал-большевизмом, но что на самом деле является попросту манипуляцией наиболее низменными человеческими инстинктами¹³.

Сегодня, конечно, уже очевиден догматизм столь добродушной аргументации, поскольку Иловайская-Альберти — кстати, немало послужившая русско-польскому делу — в смысле отношения большевизма к национальной традиции России, слишком явно пошла по стопам Александра Солженицына (1918–2008), который до конца жизни был убежден, что большевизм отрицал абсолютно всю прежнюю российскую историю и традицию. Что же касается обращения большевизма к низшим стадным инстинктам человека, то здесь Иловайская, вероятно, опиралась на идеи Александра Зиновьева (1922–2006), изложенные в его сборниках эссе *Гомо советикус* и *Мы и Запад* (оба опубликованы в 1982 году). Тем не менее, именно «Русская Мысль», возглавляемая Иловайской и Горбаневской, в восьмидесятые годы прошлого столетия много сделала для сближения русских и поляков, основанного — что крайне важно — на обоюдной правде.

Впрочем, М.Г. справедливо пишет, что парижский еженедельник «Русская мысль» ближе к национально-христианской версии и Солженицыну, нежели к Синявскому и «левачествующим критикам солженицынского идеала России» из «последней предгорбачевской группы эмигрантов...»¹⁴. Однако об Андрее

¹³ I. Howajska-Alberti, *Uwagi wstępne redaktora naczelnego „Russkoj Mysli”*, „Arka” 1986, № 13, с. 3. В издании, напоминаю, отсутствовали какие бы то ни было библиографические данные, формально это — публикация без даты и названия.

¹⁴ Там же, с. 141.

Синявском (1927–1997) здесь следует сказать подробнее. Знаменитый судебный процесс в середине февраля 1966 года в Москве, когда коммунистические власти судили его и Юлия Даниэля (1925–1988), вызвал огромный резонанс во всем цивилизованном мире. Обоих литераторов признали виновными и вынесли приговор за то, что они «нелегально», на Западе, издали под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак свои гротескные и сатирические по отношению к СССР произведения. Кстати, впервые они были опубликованы Ежи Гедройцем (1906–2000) в парижском «Литературном институте»¹⁵.

Стойкие подсудимые во время этого беспрецедентного показательного процесса не проявили ни малейшего раскаяния и в отместку были приговорены к семи (Синявский-Терц) и пяти (Даниэль-Аржак) годам заключения в лагерях строгого режима. Вскоре другие диссиденты во главе с несгибаемым Александром Гинзбургом (1936–2002) составили *Белую книгу* процесса, объемом более четырехсот страниц, которая была распространена в СССР в «самиздате» и довольно быстро опубликована на Западе¹⁶. К со-

¹⁵ Даже и сегодня русские исследователи, говоря о процессе Синявского и Даниэля, очень редко, к сожалению, вспоминают, что книги Терца: *Суд идет* (1959), *Фантастические повести* (1961), *Любимов* (1963) и *Мысли врасплох* (1965), а также *Искушение* Аржака (1965) впервые увидели свет в Париже, на польском языке, именно у Ежи Гедройца. Поэтому здесь следует с благодарностью вспомнить Людмилу Сергееву, которая совсем недавно напомнила об этом факте. См.: Л. Сергеева, *Триумвират // Л. Сергеева, Жизнь оказалась длинной*, АСТ, Москва 2019, с. 299. Однако она ошибается, утверждая, что публикация появилась в русскоязычном номере парижской «Культуры». Да, в 1960 году *Суд идет* Терца вышел у Гедройца по-русски — в первом из трех русскоязычных номеров «Культуры». Однако книжное издание этого произведения — подчеркнем еще раз, на польском языке — вышло годом ранее, это вообще была первая книга Терца на Западе. Густав Герлинг-Грудзиньский, автор предисловия, написал: «Об авторе рассказа *Суд идет*, использовавшем псевдоним Абрам Терц, мы знаем только то, что это молодой советский писатель. Рукопись его новеллы (а точнее, небольшой повести) была передана в Париж и впервые печатается в польском переводе. В дальнейшем, очевидно, появятся переводы на другие языки». G. Herling-Grudziński, *Przedmowa // A. Terc, Sąd idzie*, Anonim, *Co to jest realizm socjalistyczny?*, пер. J. Łobodowski, Instytut Literacki, Paryż 1959, с. 7.

¹⁶ «Белая книга» о деле писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, Possev-Verlag, Frankfurt/Main 1967. Следует добавить, что и Гедройц опубликовал — также до русскоязычной публикации — насчитывавшее сто с лишним страниц описание процесса с предисловием Элен ЗамоЙской, которая, кстати, мужественно переправила рукописи из СССР на Запад. Ср. *Sąd*

жалению, в то время у меня не было доступа к этому чрезвычайно важному изданию, но я узнал обо всем от безотказного Анджея Дравича, поскольку с октября 1981 года он уже преподавал в моем родном Институте русской филологии Ягеллонского университета. У своего научного руководителя, профессора Рышарда Лужного (1927–1998), я позаимствовал тогда очень полезную *Вольную русскую литературу* Юрия Мальцева (1931–1992), также, разумеется, изданную в эмиграции и содержащую краткий отчет о процессе над Синявским и Даниэлем¹⁷. Андрей Донатович Синявский, отбывавший свой суровый срок в Мордовской автономной области, был досрочно освобожден в 1971 году, а еще через два года получил долгожданное разрешение покинуть СССР. Вместе с женой Марией Васильевной Розановой он жил в Париже, а затем под Парижем, преподавал русскую литературу в Сорбонне. В 1975–1976 годах Синявский опубликовал знаменитые *Прогулки с Пушкиным* и *В тени Гоголя*, которые (особенно первую книгу) львиная доля русской эмиграции сочла «порочащими национальные святыни». В 1978 году, после известного конфликта с редактором «Континента» Владимиром Максимовым (1930–1995), Синявский с женой начали издавать журнал «Синтаксис», либеральный по своему мировоззрению и политическим оценкам и весьма задиристый по отношению к окостеневшей литературной традиции. В 1982 году Синявский опубликовал книгу о русском мыслителе и писателе Серебряного века Василии Розанове (1956–1918), а в 1984 году — увлекательные беллетризованные мемуары, озаглавленные *Спокойной ночи* — Дравич даже опубликовал на них в подпольной «Арке» короткую рецензию, где справедливо указывал на родство Синявского-Терца с Розановым:

Сознательно ли Синявский подверг переоценке свои возможности или поддался неумолимому наказу, во всяком случае, он пошел своим собственным путем синтеза: в направлении свободной эссеистики, автобиографической и критической рефлексии, промежуточным, межжанровым и богатым формам, которые кто-то назвал «литературой о литературе». Он следовал за великим русским мыслителем и писателем рубежа веков Василием Розановым, который как раз освободил русское письменное слово от бремени дидактики, обучая соотечественников свободе дискуссии¹⁸.

idzie! Stenogram z procesu A. Siniawskiego i J. Daniela (A. Terca i M. Arzaka). Moskwa, Luty 1966, Instytut Literacki, Paryż 1966.

¹⁷ Ю. Мальцев, *Вольная русская литература 1955–1975*, Possev-Verlav, Frankfurt/Main 1967, с. 55–56.

¹⁸ A. Drawicz, *Żyj długo i bądź sobą Abramie Tercu*, „Arka” 1987, № 17, с. 11.

Дравич лучше других ориентировался в идеологическом архипелаге и адресах русской эмиграции, а потому перед поездкой в Париж — в том январе-феврале 1987 года — снабдил меня всей необходимой информацией и соответствующими рекомендательными письмами к главным представителям двух вышеупомянутых течений русской эмиграции на берегах Сены. То есть, с одной стороны, направил меня к Иловайской, Горбаневской и через них к Максиму, а с другой — дал телефон и адрес Синявского и его энергичной супруги Розановой, которая вместе с мужем выпускала в Фонтене-о-Роз под Парижем «маленький, но дерзкий и заметный журнал “Синтаксис”»¹⁹. Журнал, добавим, оппозиционный по отношению не только к коммунизму, но и к любым национально-христианским идеологиям, даже, как в случае с «Русской мыслью» Иловайской и «Континентом» Максимова, откровенно экуменическими.

О своих парижских встречах с Иловайской и Горбаневской я потом писал несколько раз по разным поводам, а кроме того взял у них несколько интервью — и тогда, и во время своих последующих многочисленных посещений русского Парижа, а также в Кракове — для подпольной «Арки»²⁰, позже для газеты

¹⁹ Там же.

²⁰ *Rozmowa z Natalią Gorbaniewską*, „Arka” 1987, № 20, с. 46–55. *Rozmowa z Iryną Iłowajską-Alberti*, redaktorem naczelnym tygodnika „Russkaja Mys’l”, „Arka” 1989, № 25, с. 64–71. Обе беседы подписаны уже упоминавшимся выше псевдонимом — Генрик Цивинский. В первой Наташа Горбаневская высказала множество теплых слов о Викторе Ворошильском, прекрасном прозаике, поэте и переводчике, который узнал об этой подпольной публикации в марте 1988 года от своего товарища, также значимого поэта и переводчика Артура Мендзыжецкого (1922–1996). При этом произошло забавное — во всяком случае, с моей точки зрения — *qui pro quo*, о котором сегодня можно прочитать в третьем томе только что изданных «Дневников» Ворошильского: «Артур говорил об интервью Наташи в »Арке« с теплыми словами в мой адрес, кажется, его взял у нее Богдан Цивинский, что меня удивило. Потом я нашел этот текст (“Арка” номер 20), Наташа разговаривала с каким-то молодым человеком, подписавшимся Генриком Цивинским». W. Woroszyński, *Dzienniki*, t. 3: 1988–1986, Ósrodek Karta, Warszawa 2019, с. 31. Добавим на всякий случай, что настоящий Богдан Цивинский (р. в 1939) — выдающийся польский историк и историк идей, подлинный знаток России, Украины, Белоруссии, Литвы. В 2015 он был отмечен жюри Премии им. Ежи Гедройца за книгу *Шанцы Культуры. Эссе об истории народов Восточной Европы*. В настоящее время он ведет очень интересный блог *На взгляд старика*, <https://bohhdancywinski.pl/> (11.11.2021). В частности, отстаивает идею связи между империализмом царской России и СССР, предостерегая при этом поляков от формирования стереотипа «русского

«Час Краковски» и снова «Арки», уже вполне легальной²¹. А вот встреча с Синявским и Розановой в феврале 1987 года, к сожалению, не была осмыслена вплоть до конца 1993 года, не говоря уже о каких-либо публикациях. Поэтому я попытаюсь частично компенсировать это теперь, когда Андрея Синявского давно уже нет с нами, но, к счастью, еще живет в Фонтене-о-Роз под Парижем Мария Розанова.

Я приехал к Синявским 26 февраля 1987 года, в очень холодную, по французским меркам, зиму, которую даже называли тогда «зимой столетия». Выйдя из поезда RER (*Réseau Express Régional Île-de-France*), я с ужасом понял, что забыл адрес Синявского в парижской квартире на бульваре Шапель (метро «Сталинград»), где тогда жил. Поскольку 28 февраля я должен был окончательно вернуться в Польшу, другой возможности осуществить мечту о встрече с Синявским-Терцем в его доме под Парижем могло не представиться. Однако первая же проходившая мимо француженка средних лет при упоминании фамилии «Синявский» расплылась в улыбке: «*Rue Boris Vildé, huit*». И кивнула головой, указывая направление. Неделей ранее весьма сведущие польские и русские эмигранты предсказывали, что поговорить с самим Синявским у меня не получится, так как Мария Васильевна — «императрица», а потому немедленно возьмет бразды правления в свои руки и ни за что их не отдаст. Однако случилось так, что спутница жизни Андрея Донатовича спешно готовила новую публикацию и ушла на полтора часа, оставив меня один на один с писателем в его кабинете.

врага»: «Советский Союз продолжил четырехсотлетнюю традицию царской политики. Официально знание об этой преемственности исторического процесса было, разумеется, недоступно для моего поколения, однако кое-что подсказывала древняя польская литература, кое-что можно было понять, наблюдая за событиями дня сегодняшнего. Это не было насаждением мифической фигуры русского-врага, но лишь указанием на все еще присутствующую опасность, грозящую полякам со стороны русской империи, которая может называться по-разному, но реализует одну и ту же враждебную нам политику». <https://bohducywiniski.pl/rosja-carow-rosjambolszewikow/> (31.11.2021).

²¹ *Rosjanie i Polacy są podobni*, z Natalią Gorbaniewską rozmawiają G. Przebinda („Arka”) i A. Nowak („Czas”), opr. J. Korzeniewska, „Czas Krakowski” 1990, 6–7 X, № 234, с. 36 <http://www.portal.arcana.pl/Gorbaniewska-rosjanie-i-polacy-sa-podobni,4144.html> (31.07.2021). *Rosję uratują młodzi Rosjanie*, z Iriną Ilowajską-Alberti rozmawia G. Przebinda, „Arka” 1992, № 39–40, с. 122–127.

В то время я мало что знал о Синявском²², но все это были вещи по-своему примечательные, связанные с яркими биографическими и литературными ассоциациями. Поэтому я смог сообщить писателю, что его задержание и арест 8 сентября 1965 года произошли как раз в том месте — у Никитских ворот на Бульварном кольце в центре Москвы, — которое Булгаков в романе *Мастер и Маргарита* вписывает в путь Ивана Бездомного, гнавшегося за Воландом. Затем Иван Бездомный преследовал таинственного заграничного профессора по той же улице Герцена (сегодня Большая Никитская), по которой двое реальных, из плоти и крови, кагебешника вместе с задержанным Синявским молнией пронесли на машине по направлению к бессмертной Лубянке. Я мог бы еще добавить, что и по сей день ясно вижу сходство литературного Абрама Терца с булгаковскими Коровьевым и Азazelло одновременно. В конце концов, в упомянутой выше повести *Спокойной ночи* Терц изображен следующим образом:

Я его как сейчас вижу, налетчика, картежника, сукиного сына, руки в брюки, в усиках ниточкой, в приплюснутой, до бровей, кепке, пронсящего легкой, немного виляющей походкой, с нежными междометиями непристойного свойства на пересохших устах, свое тощее, отгоченное в многолетних полемиках и стилистических разноречиях тело. Подобранный, непререкаемый. Чуть что — зарежет. Украдет. Сдохнет, но не выдаст. Деловой человек...²³.

Однако мы тогда говорили не о Булгакове²⁴, потому что Хозяин, разумеется, предстал передо мной в обличье не Абрама Тер-

²² Я однако кое-что знал о поэтике ранних произведений Терца, благодаря скрупулезному исследованию Александра Вата, выразительно озаглавленному *Читая Терца* (1961), с которым познакомился, благодаря изданию текстов Вата *Эвокация* в подпольном краковском издательстве KOS (1981). Эта серьезная семидесятистраничная статья первоначально была напечатана в качестве предисловия к *Фантастическим повестям* Терца, изданным Гедройцем в 1961 году.

²³ А. Терц, *Спокойной ночи. Роман*, Синтаксис, Париж 1984, с. 17.

²⁴ Я тогда находился под впечатлением подготовки текста и комментариев к *Мастеру и Маргарите*, еще в переводе Ирены Левандовской и Витольда Домбровского, но уже с предисловием Анджея Дравича. Публикация после перипетий с цензурой — главным образом, как мне кажется, из-за имени автора предисловия — появилась только в 1990 г. во II серии Национальной библиотеки. Синявский, конечно, не мог проглядеть Булгакова, но то, что он о нем говорил и писал, до сих пор вызывает во мне глубокий протест. Хотя бы такое абсурдное соображение, брошенное мимоходом в Варшаве в декабре 1993 года, в разговоре с критиком Славомиром Мазуреком: «Культурные немцы — хотя русских считали варварами — начинают верить, что ради

ца, но ученого-филолога — профессора Андрея Синявского. Так случилось, что незадолго до отъезда в Париж я изучал в Кракове пространный труд Николая Федорова (1829–1903) *Философия общего дела*. Этот весьма загадочный русский мыслитель-практик провозглашал там ни больше ни меньше как долг «сыновей» немедленно воскресить всех умерших «отцов», полагая, что это может быть осуществлено путем сексуального аскетизма и молитвы, а также использования последних достижений техники. При этом «дочерям» Федоров настоятельно не рекомендовал рожать детей, дабы не способствовать непрерывному движению «круговорота смерти». В своем тексте я критически рассмотрел эту достаточно странную мысль в контексте близкой мне универсальной философии Владимира Соловьева (1853–1900)²⁵. Однако Синявский дал понять, что сам он однозначно на стороне «безумного проекта» Федорова. Позже он выразил это в беседе со Славомиром Мазуреком в Варшаве:

Особенностью русской философии является способность ставить проблемы чрезвычайно смело и парадоксально. Так, как до сих пор не осмеливался сделать никто в мире. Возьмем, к примеру, такого автора, как Николай Федоров. В своей книге под названием *Философия общего дела* он провозглашает, что все человечество должно выполнить универсальную задачу. Задача эта описана в Евангелии — речь идет о воскрешении мертвых. Это должен сделать сам человек. Звучит, как фантазия чистой воды. (И, возможно, на самом деле является фантазией, хотя писал это человек глубоко верующий). Но под пером Федорова эта чисто богословская проблема, проблема воскресения, приобретает какую-то невероятную актуальность. Как будто здесь и сейчас, не ожидая нового знамения от Бога — все знамения уже были явлены — следует взяться за дело и стремиться к воскресению мертвых. Что ж, мои дорогие — а мои дорогие — это все человечество — у вас есть конкретная задача — вы должны воскресить своих умерших предков... Сперва поколение отцов... Создать соответствующую технологию... Ни один автор science fiction до такого бы не додумался. Это невероятно освежает наше мышление. Русские философы по-новому решают универсальные проблемы²⁶.

спасения расы, а может, и всего мира, нужно уничтожить евреев. Они хотят спасти мир, убивая детей в газовых камерах. Чисто иррациональная, дьявольская идея. *Мастер и Маргарита* — дитя поистине двадцатого века — миром тут правит сатана». A. Siniawski, *Rosja: przekłete problemy, rozmawiał S. Mazurek*, „Ex Libris” (dodatek do „Życia Warszawy”) 1993, декабрь, № 41, с. 2. Я еще вернусь к этому сюжету при описании моей второй встречи с Синявским, в Женеве в июне 1988.

²⁵ Por. G. Przebinda, *Włodzimierz Solowjow i Mikołaj Fiodorow. Dwie koncepcje eschatologiczne*, „Slavia Orientalis” 1989, № 3–4, с. 611–622.

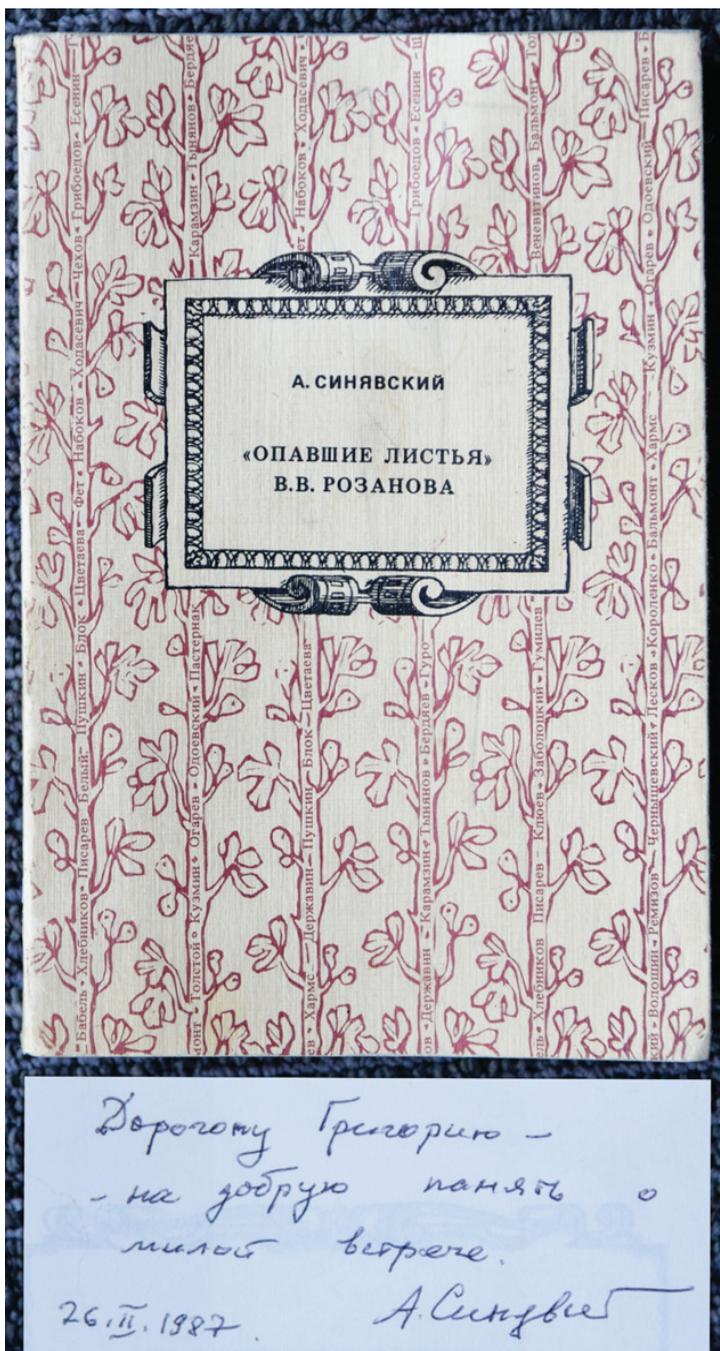
²⁶ A. Siniawski, *Rosja: przekłete problemy...*, с. 2.

Я же в феврале 1987 года в доме Синявского с большим вниманием слушал его литературоведческий монолог об Алексее Ремизове (1877–1957), великом эмигрантском писателе России первой половины XX века, и еще более обширную лекцию о Розанове, о котором Дравич уже говорил в связи с Синявским. В качестве прощального подарка я получил также упомянутые выше «*Опавшие листья*» *Василия Розанова* с теплой дарственной надписью на русском языке. К сожалению, мне не удалось сразу переправить эту ценную книгу из Парижа в Краков, так как во время обратного перелета, уже в варшавском аэропорту Окенче, меня подвергли тщательному досмотру и отобрали практически все русские и польские книги (всего более девяноста наименований). Увидев дарственную надпись Синявского таможенница иронически заметила: «Вот что у вас за знакомые...». Хотя мне трудно поверить, чтобы она что-либо знала о Синявском. Справедливости ради добавлю, что мне все же разрешили забрать не только польско-французский разговорник, но и — я вспоминаю об этом с большой благодарностью — *Собрание сочинений* Солженицына на русском языке. После долгих перипетий и выигранного мною в конце концов в середине 1988 года процесса в Высшем административном суде против Главного таможенного управления я вернул себе бесценные издания, все до единого²⁷. А уникальный подарок Синявского — книгу о Розанове — бережно храню в своей библиотеке по сей день.

* * *

Моя вторая встреча с Андреем Синявским произошла вскоре после этого, в июне 1988 года, в Женеве, на посвященном тысячелетию крещения Руси международном научном коллоквиуме, который организовал Жорж Нива, крупный знаток России. Помимо Андрея Синявского и Марии Розановой, в числе докладчиков были писатель-«деревенщик» Валентин Распутин (1937–2015), историк Марк Раев (1923–2008), итальянский славист Чезаре Дж. Де Микелис, польский русист из Ягеллонского университета Луциан Суханек, русский литературовед-эмигрант

²⁷ Por. G. Przebinda, *Cło czy cenzura?*, „Tygodnik Powszechny”, 27 XI 1988, № 48 (2057), с. 3–4.

Дарственная надпись Андрея Синявского Гжегожу Пшебинде на заглавном листе книги *Опавшие листья* Василия Розанова

Ефим Эткинд (1918–1999), русский филолог и семиотик Борис Успенский, православный священнослужитель и историк Церкви из Мюнхена о. Кирилл Фотиев (1928–1990), бывший диссидент, а ныне историк из Израиля Мелик Агурский (1933–1991), бывший диссидент и узник ГУАГа, а ныне эмигрант из Лозанны Анатолий Левитин-Краснов (1915–1991), французская славистка Вероника Лосская (1931–2018) и ее муж, французский богослов Николай Лосский (1929–2017). Имея счастье быть приглашенным профессором Нива на этот пир духа, я обзавелся тогда очень полезными знакомствами со славистами мирового масштаба. О. Кирилл Фотиев еще раньше, в Мюнхене, помог мне перевести на русский язык мой женевский доклад о восприятии идей Соловьева в Германии, а Марк Раев, с которым я познакомился уже в самой Женеве, вскоре опубликовал в Нью-Йорке увлекательную полемическую переписку Соловьева с поляками²⁸. У меня также завязались теплые отношения с Анатолием Левитиным-Красновым, антикоммунистом и приверженцем «христианского социализма», но зарождавшуюся дружбу прервала его трагическая смерть в Люцерне в апреле 1991 года. Знаменательно, что 21 августа 1991 года, во время известного коммунистического путча, в Москве скоропостижно скончался энергичный Мелик Агурский, который на той женевской конференции справедливо призывал меня в будущем обратить внимание не только на экуменический универсализм Соловьева, но и на его панъевропейский империализм, к сожалению, отдававший расизмом, который выражался в антиазиатском «панмонголизме». Агурский имел в виду превознесение Соловьевым действий германского императора Вильгельма II по отношению к китайцам, восставшим против экспансии Европы и России. За месяц до смерти, узнав о карательной экспедиции, отправленной в Китай императором Вильгельмом — в отместку за убийство немецкого посла в Пекине, — русский мыслитель написал стихотворение *Дракон (Зигфриду)* с такой концовкой, явно в духе средневековых крестовых походов:

²⁸ Por. G. Przebinda, *L'accueil fait à la pensée de Vladimir Solov'ev en Allemagne et dans les pays germanophones 1889–1953*, „Cahiers du Monde russe et soviétique” (Le numéro spécial: *Le Christianisme Russe: entre millenarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui*), Paris 1988, vol. XXIX (3–4), Juillet–Decembre, с. 427–445. Por. *Забывтое письмо Владимира Соловьева*, публикация Г. Пшебинды, перев. З. Юрьевой и А. Тюрина, „Новый журнал”, Нью-Йорк 1989, кн. 174, с. 217–223.

Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята²⁹.

Сам Синявский в Женеве, в том же июне 1987 года, как истинный мудрец, совершал «апофеоз книги», отсылая, в основном, к позднесредневековой традиции Московской Руси. Он апологетически напоминал, и это уже тогда показалось мне очень близким, акт милосердия Ульянии Осоргиной-Лазаревской, богатой помещицы того времени (ум. 1604), которая открыла крестьянам амбары своего мужа. Случилось это в 1601–1602 годах — при Борисе Годунове — во время страшного голода, когда в Московской Руси питались человеческой плотью. Синявский сказал:

Замечательный образец такого рода свидетельской литературы представляет собой *Повесть об Ульянии Осоргиной XVII века*. Она была написана сыном Ульянии — Дружиной Осоргиным [...]. Это очень простой и безыскусный рассказ, наполненный множеством бытовых и психологических подробностей. В частности, Ульяния — святая в миру — превратила свою жизнь в подвиг любви и милосердия. Тогда русской земле пришлось испытать страшный голод. Живя в богатом доме своего мужа, Ульяния вдруг проявила необыкновенную прозорливость. Родители мужа удивлялись, говоря, что когда не было голода, Ульяния столько не ела, как она сейчас. А Ульяния ссылалась на то, что недавно родила, и потому все время хочет есть. На самом деле она тайно подкармливала голодающих. В подлинности всех этих, точно и тонко подмеченных деталей не приходится сомневаться³⁰.

Докладчик, как я вижу сегодня, несомненно, идет здесь по стопам как либерального историка Василия Ключевского (1841–1911), автора *Добрых людей Древней Руси*, так и эмигрантского историка идей Георгия Федотова (1866–1951), который также искал в Киевской и Московской Руси подобную святость, подтверждаемую гуманными и милосердными поступками. Таким образом, в случае Синявского апофеоз книги являлся фактически апофеозом активного милосердия. Жаль только, что столь проницательный филолог и историк культуры не заметил, что в *Мастере и Маргарите* аналогичный акт милосердия совершает заглавная героиня, освобождая от вечных мук трагическую

²⁹ Вл. Соловьев, *Стихотворения и поэмы*, Советский писатель, Москва 1974, с. 136.

³⁰ А. Синявский, *Апофеоз книги*, „Cahiers du Monde russe et soviétique”, с. 295, www.persee.fr/issue/cmr_0008-0160_1988_num_29_3 (11.11.2021).

детоубийцу Фриду. При, заметим, явном одобрении Воланда, которому Синявский в упомянутом разговоре с Мазуреком несправедливо приписал покровительство над газовыми камерами.

А теперь давайте отвлекусь: расскажу, при каких удивительных обстоятельствах продолжилась моя вторая встреча с Андреем Донатовичем в июне 1988 года. Профессор Жорж Нива, организовавший юбилейную конференцию на факультете славянской филологии, которым он руководил в Женевском университете, пригласил участников на ужин в свой дом, находившийся всего в тринадцати километрах от Женевы, но уже по другую сторону границы — во Франции. Напомню, что я приехал в Женеву из Мюнхена, и документы на швейцарскую визу подавал в Баварии. Подумать о французской визе мне и в голову не пришло, однако профессор Нива заверил, что спокойно провезет нас через границу на своей машине, так как ездит туда и обратно несколько раз в неделю, и никто особенно за этим не следит. Это был мой первый и последний опыт перехода через «зеленую границу»: за рулем сидел профессор Нива, а попутчиками были супруги Синявские (которым, вероятно, виза не требовалась) и Мелик Агурский, который в 1974 году участвовал вместе с Александром Солженицыным в знаменитой самиздатовской публикации *Изпод глыб*, а теперь беспокоился, не поймают ли его, гражданина Израиля, на франко-швейцарской границе без визы. Но все прошло именно так, как торжественно пообещал хозяин, и мой разговор в машине с Андреем Донатовичем завершился еще одним приглашением в Фонтене-о-Роз, на сей раз непременно — как он подчеркнул — с ночевкой. Тогда мы и предположить не могли, что наша третья и последняя встреча состоится в Кракове, через два года после распада СССР.

Однако прежде чем это произошло, в январе 1989 года, вскоре после смерти Юлиа Даниэля 30 декабря 1988 года, Синявский впервые после отъезда из России посетил Москву. Правда, советские власти позаботились о том, чтобы он не попал на похороны друга. Будучи либералом и центристом, Синявский с самого начала был убежденным сторонником Михаила Горбачева, точно так же, впрочем, как его друг Анджей Дравич. Это вызывало яростный протест, прежде всего, Владимира Максимова, Натальи Горбаневской и Ирины Иловайской-Альберти³¹.

³¹ Por. A. Michnik, *Stalin wiecznie żywy*, „Gazeta Wyborcza” 2013, 25 V, <https://wyborcza.pl/magazyn/7,124059,13975516,stanin-zabija-noca.html> (19.08.2021).

Другой великий эмигрант, Александр Солженицын, постоянно обвинял Синявского в космополитизме, звучали подобные обвинения после распада СССР и на его родине. Московская газета «Литературная Россия» даже объявила Синявского главным русофобом, предложив «поступить с ним так, как мусульмане поступают с Салманом Рушди»³².

* * *

На первую встречу с Андреем Синявским я — как уже было сказано — отправился в Париж, во второй раз мы встретились, можно сказать, на полпути, — в Женеве, а в третий и последний раз мне посчастливилось увидеться с писателем в своем родном Кракове, после того как Синявский и его супруга были приглашены профессором Луцианом Суханеком в Институт русской филологии Ягеллонского университета. Выступали гости в нашем Малом Падеревиянум на аллеях Мицкевича, 11, и это стало достойным продолжением «Русских встреч», которые Суханек организовал еще во времена «Солидарности», в том числе и во время военного положения. Упомяну здесь очень нашумевшую, справедливо антисоветскую конференцию «Лики России», состоявшуюся в Ягеллонском университете 11 и 12 декабря 1981 года, буквально накануне введения военного положения, а также литературную конференцию, посвященную Борису Пастернаку (1890–1960) поздней осенью 1983 года. На последней смог присутствовать уже хорошо нам знакомый Жорж Нива.

Из тех далеких времен я вспоминаю также приезды в Краков с лекциями великих варшавских русистов Виктора Ворошильского (1927–1996) и Северина Поллака (1907–1987), а также профессора Юзефа Жичиньского (1948–2011), тогда еще не епископа. На улице Июньского манифеста, 8, рядом с Collegium Novum Ягеллонского университета, он увлеченно рассказывал нам о французской книге Алена Безансона *Интеллектуальные истоки ленинизма* (1987). В ноябре 1993 года Синявский, следует подчеркнуть, большую часть времени провел в Варшаве, на конференции «Литература и демократия. Безопасные и опасные связи», организованной во дворце Сташица Институтом лите-

³² A. Siniawski, *Kłęska zwycięstwa*, „Gazeta Wyborcza” 1993, 9 X, № 237, с. 9.

ратурных исследований Польской академии наук и редакцией ежемесячника «Рес Публика Нова» (среди участников были Чеслав Милош и словенский писатель и эссеист Драго Янчар)³³.

Замечательное предложение взять в Кракове интервью у Синявских исходило от еженедельника «Тыгодник Повшехны», а точнее — от моего коллеги, также по Ягеллонскому университету, Анджея Романовского. Он был чрезвычайно взволнован — разумеется, приятно — этой уникальной возможностью. Романовский, вероятно, знал, что мы собираемся продолжать добрую традицию русиста и переводчика Збигнева Подгурца (1935–2020), который еще в первой половине 1970-х годов провел для «Тыгодника» длинную серию «русских» бесед — в том числе с Владимиром Максимовым, Андреем Тарковским (1932–1986), Эрнстом Неизвестным (1926–2016), Булатом Окуджавой (1924–1997), Владимиром Войновичем (1932–2018) и упоминавшимся в самом начале статьи Александром Зиновьевым.

В заключение я хотел бы высказать еще несколько соображений. Во-первых, Мария Розанова — как станет ясно из интервью, опубликованного ниже, — полностью компенсировала свое непреднамеренное отсутствие во время моей первой беседы с Андреем Синявским в их доме в Фонтене-о-Роз. Во-вторых, следует помнить, что часто встречающийся в разговоре термин «Белый дом» не имеет никакого отношения к Вашингтону: это тогдашнее здание Верховного Совета РФ, конфликтовавшего с Ельциным (сегодня — здание Правительства РФ). И в-третьих, буквально на следующий день после появления в «Тыгоднике Повшехном» этого интервью мне позвонила возмущенная, никогда не терявшая бдительности Наташа Горбаневская, кото-

³³ Синявский однако говорил там, главным образом, не о заглавной теме, а о метафизических, религиозных, даже эсхатологических задачах литературы, отсылая, в частности, к великому роману Бориса Пастернака: «Ползком, одолевая ужасы, скажу: а может быть, когда-нибудь так и будет, и об этом, единственно об этом, твердит вся мировая словесность. Искусство всегда надежда. Не об этом ли бормотал Пастернак в романе *Доктор Живаго*? «...Искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает». [...] Как рыба об лед, искусство бьется о неокончателность речи. Мы пишем лишь потому, что самое лучше, самое прекрасное еще не написано». А. Синявский, *Почему мы все-таки пишем? Искусство бьется о неокончателность речи* // „Хранить вечно” (Андрей Синявский), Специальное приложение к „НГ” 1998, февраль, № 1, с. 2.

рая придерживалась диаметрально противоположного мнения относительно войны Ельцина с Верховным Советом. Поэтому вскоре я взял отдельное интервью у Наташи, человека мне очень близкого, хоть в этом вопросе мы и разошлись — оно было опубликовано в «Тыгоднике Повсехном» в январе 1994 года³⁴.

Перевод Ирины Адельгейм

Книги Синявского-Терца и Даниэля-Аржака из домашней библиотеки Гжегожа Пшебинды

REFERENCES

- ARKA. *Wybór 10–12. Kraków — 1985. Eseistyka. Krytyka. Literatura* M. Chudecki, and W. Sikora. Eds. Paryż: Aktis, 1986.
- «Belaya kniga» o dele pisateley Andreya Sinyavskogo i Yuliya Danielya. Frankfurt/Main: Possev-Verlag 1987 [«Белая книга» о деле писателей Андрея Синявского и Юлиа Даниэля. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1987].

³⁴ Jak Polak z Rosjaninem... Rozmowa z Natalią Gorbaniewską, rozmawiał G. Przebinda, „Tygodnik Powszechny” 1994, 30 I, № 5 (2315), с. 5–6.

TRZY WSTRĘCZY S ANDREEM SINJAVSKIM

- Cywiński, Henryk [Przebinda, Grzegorz]. "Historia pewnej utopii." *Arka* 1987, no. 19.
- Drawicz, Andrzej. *Inna Rosja*. Warszawa: NOWA, 1980.
- Drawicz, Andrzej. "Żyj długo i bądź sobą Abramie Tercu." *Arka* 1987, no 17.
- Gertsen, Aleksandr Ivanovich. *Sobraniye sochinyeniy v tridsati tomakh*. Moskwa: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 1954–1960, Vol. 5 (1955): *Pis'ma iz Frantsii i Italii 1847–1852*. Vol. 10 (1956): *Byloye i dumy 1852–1868, chast' V* [Герцен Александр Иванович. *Собрание сочинений в тридцати томах*. Москва: Издательство Академии наук СССР 1954–1960. Vol. 5 (1955): *Письма из Франции и Италии 1847–1852* (1955). Vol. 10 (1956): *Былое и думы 1852–1868, часть V*].
- Herling-Grudziński, Gustaw. *Dziela zebrane*. Bolecki, Włodzimierz. Ed. Kraków: Wydawnictwo Literackie 2009–2021. Vol. 8 (2018): *Dziennik pisany nocą* (vol. 2: 1982–1992).
- Howajska-Alberti, Irina. "Uwagi wstępne redaktora naczelnego 'Russkoj Mysli'." *Arka*, 1986, no 13.
- "Jak Polak z Rosjaninem... Rozmowa z Natalią Gorbaniewską." Rozmawiał Grzegorz Przebinda. *Tygodnik Powszechny*, 1994, 30 I, no 5 (2315).
- Leszkowski, Marek [Maleszka, Lesław]. "Stan wojenny na łamach 'Russkoj Mysli'." *Arka* 1985, no 11.
- Literatura i demokracja: bezpieczne i niebezpieczne związki*. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN 1995.
- Mal'tsev, Yurij. *Vol'naya russkaya literatura 1955–1975*. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1967 [Мальцев Юрий. *Вольная русская литература 1955–1975*. Frankfurt/Main: Possev-Verlag 1967].
- M.G. [Maleszka, Lesław]. "Rosyjska Mysl' " i polski czytelnik." *Arka*, 1987, no 18.
- Przebinda, Grzegorz. "Apokalipsa Włodzimierza Sołowjowa." *Znak*, 1986, no. 11–12: 384–385.
- Przebinda, Grzegorz. "L'accueil fait à la pensée de Vladimir Solov'ev en Allemagne et dans les pays germanophones 1889–1953." *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1988. Vol. 29 (3–4).
- Przebinda, Grzegorz. "Cio czy cenzura?" *Tygodnik Powszechny* 1988, 27 XI, no. 48 (2057).
- Przebinda, Grzegorz. "Włodzimierz Sołowjow i Mikołaj Fiodorow. Dwie koncepcje eschatologiczne." *Slavia Orientalis*, 1989, no 3–4.
- "Rozmowa z G. Herlingiem-Grudzińskim." Rozmawiał Bogusław Sonik. *Arka*, 1987, no 19.
- Sergeyeva, Lyudmila. "Triumvirat." Sergeyeva Lyudmila. *Zhizn' okazalas' dlinnoy*. Moskwa: AST 2019 [Сергеева, Людмила. "Триумвират." Сергеева Людмила. *Жизнь оказалась длинной*. Москва: AST 2019].
- Sąd idzie! Stenogram z procesu A. Siniawskiego i J. Daniela (A. Terca i M. Arzaka)*. Moskwa, Luty 1966. Paryż: Instytut Literacki 1966.
- Siniawski, Andrzej. "Kłeska zwycięstwa." Trans. I. Lewandowska. *Gazeta Wyborcza* 1993, 9 X, no 237.
- Siniawski, Andrzej. "Dlaczego piszemy." Trans. J. Darczewska. *Literatura i demokracja. Bezpieczne i niebezpieczne związki*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Badań Literackich PAN 1995.
- Sinyavskiy, Andrey. "Apofeoz knigi." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 1988. Vol. 29 (3–4) [Синявский, Андрей. "Апофеоз книги." *Cahiers du Monde russe et soviétique* 1988. Vol. 29 (3–4)].

- Sinyavskiy, Andrey. "Pochemu my vse-taki pishem? Iskusstvo b'yet-sya o neokonchatel'nost' rechi." *Khranit' vечно* (Andrey Sinyavskiy). Spetsial'noye prilozheniye v NG 1998, fevral' [Синявский, Андрей. "Почему мы все-таки пишем? Искусство бьется о неокончателность речи." *Хранить вечно* (Андрей Синявский), Специальное приложение в НГ 1998, февраль, no 1].
- Szczukin, Wasilij. "Trudne zmagania z przeszłością (Powieść Abrama Terca *Dobranoc*). *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*. Suchanek, Lucjan. Ed. Kraków: Universitas, 1993.
- Terc, Abram. *Sąd idzie*. Anonim. *Co to jest realizm socjalistyczny?*. Trans. J. Łobodowski. Paryż: Instytut Literacki, 1959.
- Terlecki, Ryszard. "Moja historia 'Arki'," *Arka*, 1990, no 30.
- Terts, Abram. *Sпокойной ночи. Роман*. Parizh: Sintaksis 1984 [Терц, Абрам. *Спокойной ночи. Роман*. Париж: Синтаксис, 1984].
- Wat, Aleksander. "Czytając Terca." Wat, Aleksander. *Ewokacja*. Kraków: Wydawnictwo KOS, 1981.
- Woźniak, Anna. *Ułuda i cud. W świecie sztuki Andrieja Siniawskiego — Abrama Terca*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2004